

А. А. Мурзин

Екатеринбург

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ НАРОДНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА: ПРЕДМЕТНАЯ СТОРОНА*

*Статья написана в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 г.. Государственный контракт № 14.740.11.1117.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: визуальный образ, икона, предметность, религиозность, Урал

АННОТАЦИЯ: В статье говорится об особенностях проявлений народной религиозности через предметность. Основу статьи составил анализ исторических источников по культуре горнозаводского Урала XIX-начала XX в.

A. A. Murzin

Yekaterinburg

VISUAL IMAGES OF NATIONAL RELIGIOUSNESS OF MINING AREA OF URAL: SUBJECT PARTY

KEY WORDS: visual image, icon, concreteness, religiousness, Ural

ABSTRACT: In article it is told about features of manifestations of national religiousness through concreteness. The basis of article was made by the analysis of historical sources on culture of mining area Ural of the XIX beginning of the XX century.

Предметность мира, в котором живет человек, может быть описана в категориях феноменологии: как та часть реальности, которую выделяет сознание (интенциональность сознания – Э. Гуссерль) в объективно существующем мире, придавая ей определенный смысл. Религиозность можно рассматривать как интенцию сознания, направленную на выявление связи с трансцендентным, получающую предметную определенность в повседневной жизни людей. Предметная определенность раскрывается как процесс смыслообразования (наделение смыслами явлений и вещей окружающего человека мира). В народной религиозности результатом этого процесса становится сакрализация места или предмета, выделения их в качестве почитаемого и оказывающего благотворное воздействие на человека и его жизнь.

Мы можем говорить о т. н. предметной стороне народной религиозности. Под предметной стороной народной ре-

лигиозности мы понимаем «вещный мир» – предметы физического мира («вещи» или «места»), наделенные сакральным смыслом или чудесной силой. Процесс смыслообразования практически невозможно отследить. В исследовательской практике мы имеем дело только с его «результатом» – признанием того или иного предмета в качестве «выразителя смысла», что в религиозных культурах раскрывается через представление о сакральном предмете. Как отмечал М. Элиаде, «предмет становится сакральным в той мере, в какой он воплощает (иначе сказать, открывает) нечто иное, нежели он сам. <...> Не столь важно, обязан ли предмет этой «инакостью» своей необычной форме, своей действительности или попросту «силе» – или же такая «инакость» проистекает из факта «включенности» предмета в тот или иной символический ряд, обретена в силу какого-либо ритуала освящения или погружения, произвольного или произ-

вольного, в среду, насыщенную сакральностью» [18], важно, какой смысл он приобретает в культуре.

В культуре горнозаводского Урала можно выделить ряд предметов, обладающих качествами сакральности: культовые предметы, хранившиеся в храмах и использовавшихся в богослужении; иконы или бытовые предметы, хранившиеся в домах, освященные в церкви и воспринимавшиеся их обладателями как наделенные «чудесной силой», а также мест, которые так или иначе были с этими предметами связанными.

К культовым предметам, хранившимся в храмах и использовавшихся в богослужении, можно отнести месточтимые иконы, в том числе чудотворные, кресты-мошевики, предметы культа, пожертвованные прихожанами в честь каких-либо значимых событий региональной или личной истории.

Собственно икона является культовым предметом в христианской традиции преимущественно Восточной церкви, составной частью которой является Православие. Сущность и значение иконы в русской православной традиции описывается в целом ряде работ по истории русской культуры и иконописи (П. Н. Милюков, О. Ю. Тарасов, В. Н. Лазарев и др.), в которых неоднократно подчеркивалось, что в России икона была предметом особого почитания [9. С. 425]. В народной традиции икона наделалась чудесными свойствами: ей приписывали способность помогать человеку в различных делах, оберегать дом от различных напастей, исцелять от болезней. О. Ю. Тарасов в своей работе «Икона и благочестие» отмечает, что икона отражает «самые сложные ритмы исторической реальности» [17. С. 8], воплощая факт «обожения» действительности, что и реализовывало «активное действие иконы на человека и «мир» [17. С. 9].

Икона в православной традиции выступала как один из важнейших почитаемых предметов. Как отмечает О. Ю. Тарасов, «в окружении себя иконами народное сознание начинает видеть

спасительное действие святости и своего рода «повседневный подвиг» благочестия» [17. С. 20]. Можно сказать, что икона одухотворяет повседневную жизнь людей. Не случайно они находились не только в каждом доме, но и в общественных местах – больницах, железнодорожных станциях, магазинах. Иконами благословляли перед венчанием жениха и невесту, рекрутов перед отправкой на службу. Известны случаи, когда для новорожденных заказывались иконы с изображением святого, в честь которого он назван [5. С. 236].

В почитаемых предметах видели «зримую сущность» – зримый образ Незримого, высшего, божественного. Существует большое количество работ, в которых описываются чудотворные образы, почитаемые Церковью, анализируются предметы, выступавшие в качестве знаков-принадлежностей христианству (нагельные кресты, ладанки), рассматриваются символические обозначения событий (поклонные и обетные кресты). Особое место занимают работы, посвященные религиозным образам, созданным народными мастерами, а не «профессиональными» иконописцами («наивные иконы»).

В народной религиозности отношение к иконе было противоречивым. В ортодоксально-христианской традиции обращение к иконе – форма общения с Богом, в то время, как в народной религиозности известно множество примеров, когда к иконе относятся, как к предмету, обладающему самому по себе магической («чудесной») силой. Соответственно возникают языческие по своей природе «отношения обмена» между человеком и почитаемым предметом, когда в ответ на человеческие усилия, рассматриваемые как жертва, возникают ожидания помощи в практических нуждах, выполнение конкретных просьб (отсюда – случаи «наказания» икон из-за жизненных неудач).

В среде горнозаводского населения Урала в XVIII – начала XX вв. почитались иконы Спасителя, кем-либо пожертвованные или привезенные в храм и

ставшие впоследствии местночтимыми. Особое место среди них занимают иконы Спасителя, обретенные чудесным образом. В Ново-Усольской церкви в честь Владимирской Божьей Матери находился местночтимый резной образ Распятого Спасителя [10. С. 588] (XVIII в.); в Соликамске почитался явленный образ Сретения Господня XVIII в., явившийся «под соборною колокольнею» [12. С. 368]; в Вятке в XVIII-XIX вв. почиталась явленная и чудотворная икона Спаса Нерукотворного [13. С. 480].

Важное место в традиции почитания икон занимают образы Богородицы. Вера в то, что молитва перед чудотворным образом помогает людям в трудные моменты их жизни, что Божья Мать предстает перед Богом как заступница и помощница всего человеческого рода, приводила к тому, что народное сознание приписывало чудотворение не только изображаемому на иконе лику Божьей Матери, но и самому предмету. Совершение чуда, то есть, исполнение молитвы, прежде всего, зависит от веры молящегося. Как отмечает Б. Н. Путилов, «в сознании верующих Богородица, изображенная на иконе, являлась живым воплощением Богоматери, она действовала, как живая» [15. С. 57].

В XVIII – начале XX в. на Урале почитались списки с чудотворных икон: Благовещения, «О тебе радуется», «Всех Скорбящих радость», Успения, Одигитрии, «Неопалимая Купина», Смоленская, Черниговская, Иверская, Корсунская. Перед этими иконами проходили молебны, читались праздничные акафисты, они пышно декорировались (например, почитаемый образ Божьей Матери Одигитрии из храма в с.Щелкун Сысертского завода был обложен фольговой ризой и украшен топазами).

Среди почитаемых икон значимыми были те, которые непосредственно связывались с жизнью и деятельностью уральских заводчиков. В частности, важное место занимала икона Корсунской Божьей Матери, находившаяся в Выйско-Николаевской церкви Нижне-

Тагильского завода, писанная митрополитом Димитрием Ростовским и преподнесенная Никите Демидову как благословение заводчика на создание промышленного производства на Урале [14. С. 72]. Для народного сознания акт благословения того, кто начал освоение и заселение Урала был равноправен акту творения нового мира, в котором живут люди. А в уральских исторических и генеалогических преданиях (о начале горного дела, о начале сел и деревень) реальные исторические персонажи, в том числе, и Демидовы выступают как «культурные герои» – те, кто дает культурные блага, создает новый мир. В данном случае мы имеем дело с местной спецификой народной религиозности горнозаводского населения Урала, проявившейся в том, что икона, которой был благословлен уральский заводчик, становится особо чтимой.

Важное место для духовной жизни имели факты чудесного обретения икон, свидетельствующих о благодати, которая сходит на православных христиан Урала. К XVIII в. относятся и сведения о явленных иконах Божьей Матери в Соликамском и Чердынском уездах: из дер. Пыжани, с. Городище, Ленвенской Свято-Троицкой церкви, Пыскорской Преображенской церкви, Язьвинкой пустыни, Майкорской Богоявленной церкви. Значимыми для духовной жизни горнозаводского Урала были Табынская (XVI – первая половина XVII в.), Абалакская (XVII в.), Смоленская (Седмиозерская) (XVII в.), Богородская (XVIII в.), Верхнетагильская иконы Божьей Матери.

Предания о чудесном обретении икон первоначально бытовали изустно, а затем были зафиксированы епархиальными источниками. Мы видим в этом трансформацию народной религиозности в официально-церковную традицию.

Отдельная группа почитаемых икон была связана с православными святыми. Особенности почитания православных святых в народной традиции как ключевое проявление народной религиозности изучали А. П. Щапов,

Н. М. Маторин, Б. А. Успенский, Т. С. Макашина, С. А. Иникова. Особо значим в народной религиозной традиции св. Николай. Образ св. Николая, по преданию, спас Полевской завод от отрядов Пугачева, в память о чем был учрежден крестный ход (икона находилась в Петропавловской церкви [8]), в Соликамске икона св. Николая защитила от набега нагайских татар («враги, увидев лики Спасителя и Николая Чудотворца приняли их за живых <...> ослепли и бежали» [1. С. 33]). Почитались и явленные чудесным образом иконы св. Николая – икона Николая «Пещерская», обретенная в с. Кольцовском Пермского уезда, ныробская икона и ряд других.

Были в уральских храмах иконы и других святых (иконы Иоанна Богослова, Иоанна Предтечи, св. мученика Васильска, св. великомученика Димитрия, св. благоверного князя Александра Невского и мн. др.); искусствоведческий интерес представляют иконы, выполненные местными иконописцами (В. Казанцевым, Верещагиными, Н. Плюсниным).

Важное место среди икон занимали образы, появившиеся в храмах в память о русских императорах: икона Покрова Божьей матери (XIX в.) в Кусинском заводе, в частности, была приобретена заводоуправителем М. И. Носковым в память о спасении императора Александра II от покушения [4. С. 306]; подобная икона была «устроена» пермским городским обществом в память об этом же событии [11. С. 464]. В 1880 году, в честь 25-летия царствования Александра II жители с. Ординского, Осинского уезда решили «устроить на свои средства ценную икону св. благоверного князя Александра Невского и поставить оную в своей приходской церкви» [7. С. 18]. Памятник с иконой поставили жители с. Соновского Оханского уезда в память о гибели Александра II [17. С. 118-120]. Отношение к царю можно рассматривать как одну из черт народной религиозности. Об этом, в частности, писал А. В. Буганов [2. С. 647-653], фиксируя положительную оценку царя в народном

сознании. То же мы можем сказать и применительно к фактам, найденным на Урале.

В почитании данных икон раскрываются мировоззренческий и этический аспекты народной религиозности горнозаводского населения Урала. Мировоззренческий аспект проявляется в том, что народное сознание отождествляет пожертвование или приобретение иконы как то, что в дальнейшем уберезит русского императора от покушений. Этический аспект заключается в том, что само действие (приобретение иконы в память о таком событии, ее «сооружение» в храме) воспринимается в народном сознании как акт сочувствия судьбе царствующей особе и желании спасти императора. С другой стороны, почитание и «устроение» такого рода икон можно рассматривать и как положительную оценку деятельности царя-освободителя с позиции народного сознания.

Важное место занимают иконы, почитавшиеся в среде горнозаводского населения Урала и связанные с трудовой деятельностью. Как свидетельствуют исторические источники, иконы находились при входе в шахту, что символизировало одухотворение трудовой деятельности: «на рудниках имеются иконы, проходя мимо которых в глубокую шахту рабочие и «зимогоры» перестали, <...> употреблять крепкое русское словцо» [6. С. 103]. Люди верили в то, что святые, изображенные на иконах, незримо присутствуют рядом с ними, охраняют их от бед и злых сил, с которыми им приходится сталкиваться под землей. В отношении к иконам святых заступников мы можем обнаружить проявление практико-ориентированного аспекта народной религиозности, который раскрывает отношения «прямой связи» повседневной жизни и сакрального, освящающего и сохраняющего эту жизнь. Обращение к святым в этом случае носило характер «оберега».

Большое распространение в народной среде горнозаводского населения Урала приобретают иконы, либо расти-

ражированные печатным способом (в «Пермских епархиальных ведомостях» рассказывалось о том, что в селе Дубровском Осинского уезда у местного жителя было изображение «Спасителя на бумаге»), либо нарисованные на бумаге местными «умельцами» (в указанном выше источнике говорилось о местной иконе св. Артемия, написанной «самым грубым письмом чернилами на бумаге, раскрашена аляповато и наклеена на дощечку» [16]). Эти иконы находятся в ряду изображений, которых исследователи относят к т.н. народным иконам, имевшим хождение и в Западной Европе, и в России и хранившихся в домах небогатых людей. Как отмечали, в частности, авторы альбома «Уральская икона», «народная икона достаточно полно выражает искреннюю веру людей, не искушенных в богословских трудах и Священном Писании», привлекая «ясностью легко прочитываемого смысла, узнаваемостью изображенного события или святого.» [3. С. 9]. В качестве примера можно привести ряд икон рубежа XIX–XX вв., называемых «иконы-краснушки» («Святой мученик Анатолий и святой апостол Па-

вел» из Выйско-Никольской церкви Нижнего Тагила, изображения Богоматери, двенадцатых праздников, изображения святых – Николая Чудотворца, Георгия Победоносца, Симеона Верхотурского, архангелов Гавриила и Михаила [9]). Эти изображения можно типологически сопоставить с русским религиозным лубком, который Т. А. Воронина рассматривала как одно из предметных проявлений народной религиозности. На «народных» иконах христианские святые непосредственно изображались такими, какими их себе представляет народное сознание, приближая, тем самым, трансцендентный мир к своему повседневному существованию.

В отношении к почитанию икон раскрываются различные аспекты народной религиозности. Чудесным образом обретенные, они становятся знаками того, что та земля, где человек живет, не забыта у Бога. Появление пожертвованной в храм иконы (или любого другого предмета) означало «обожение» места жизни, превращение «чужой» земли в «свою».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бординских Г. А. Церковно-историческое описание городов Чердыни и Соликамска. Соликамск, 1996.
2. Буганов А.В. Национальное сознание и народная память // Русские. М.: Наука, 1999. С. 647-653.
3. Гончарова Н. А., Губкин О. П., Рунева Т. А. Иконописное наследие Урала: истоки и пути развития.// Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII – начала XX в. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1998.
4. Из Кусь // Пермские епархиальные ведомости. 1867. № 19. Отдел неофициальный. С. 306.
5. Икона // Беловинский Л. В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XX в. М.: Эксмо, 2007. С. 236.
6. Кизеловский завод Соликамского уезда // Пермские епархиальные ведомости. 1895. № 5. Неофициальный отдел. С. 103.
7. Корреспонденция из Ординского села, Осинского уезда // Пермские епархиальные ведомости. 1881. № 4. Неофициальный отдел. С. 18.
8. Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда. Полевская Петро-Павловская церковь // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1893. № 51-52. Неофициальный отдел. С. 1315-1316.
9. Милюков П. Н. Энциклопедия русской православной культуры. – М.: «Эксмо», 2009.

10. Опыт описания некоторых церквей Соликамского уезда // Пермские епархиальные ведомости. 1875. № 49. Неофициальный отдел. С. 588.
11. Освящение храма Воскресения Христа Спасителя // Пермские епархиальные ведомости. 1869. № 41. Неофициальный отдел. С. 464.
12. Пермская летопись с 1263–1881 гг. Третий период с 1645–1676. Составил член разных ученых сообществ, Директор Народных училищ Пермской губернии Василий Шишонко. Пермь, Типография Губернской Земской Управы, 1884. С. 368.
13. Пермская летопись с 1263–1881 гг. Четвертый период с 1676–1682 гг. Составил член разных ученых сообществ, Директор Народных училищ Пермской губернии Василий Шишонко. Пермь, Типография Губернской Земской Управы, 1884. С. 480.
14. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С. 72.
15. Путилов Б. Н. Славянский мир в лицах: Боги, герои, люди. – СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008.
16. Религиозно-нравственное состояние прихода Дубровского, что Осинского уезда// Пермские епархиальные ведомости. 1885. № 30. Неофициальный отдел. С. 422. Религиозно-нравственное состояние прихода Дубровского, что Осинского уезда// Пермские епархиальные ведомости. 1885. № 33. Неофициальный отдел. С. 459.
17. Тарасов О. Ю. Икона и благочестие: Очерки иконного дела в императорской России. – М.: Прогресс, Традиция, 1995.
18. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. – М.: «Ладомир», 1999. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/comparative_bogoslov/eliade/index.php